

«Младотурки в Академии Генерального штаба»

Воспоминания генерала А.К. Келчевского, записанные генералом
В.А. Замбржицким. Не позднее 1923 г.

Колоссальное документальное богатство архивов Русского зарубежья продолжает привлекать внимание исследователей. Вероятно, основной массив свидетельств личного происхождения, оставленных русскими беженцами, касался периода революции и Гражданской войны, но и дореволюционная эпоха также освещалась авторами-эмигрантами. Среди материалов такого рода чрезвычайно интересны воспоминания генерала Анатолия Киприановича Келчевского (Кельчевского)¹ о борьбе за улучшение преподавания в Николаевской академии Генерального штаба² в период между Русско-японской и Первой мировой войнами. Эти воспоминания были записаны другим генералом – Виктором Альфонсовичем Замбржицким (1883–1960)³ – и переданы им в Русский заграничный исторический архив (РЗИА) в Праге, а после Второй мировой войны попали в Москву и ныне хранятся в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ). Мемуары до сих пор не публиковались, хотя их фрагментарный пересказ встречается в литературе⁴. Однако никакое переложение не может заменить подлинный текст источника, тем более что рукопись нуждается в комментированной научной публикации, предлагаемой вниманию читателей.

¹ Келчевский (Кельчевский) Анатолий Киприанович (1869–1923) – генерал-лейтенант. Окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1900). С 1909 г. – штаб-офицер, заведующий обучающимися в Императорской Николаевской военной академии офицерами, с июня 1914 г. – экстраординарный профессор академии. Участник Первой мировой войны. С сентября 1917 г. – командующий 9-й армией. С января 1918 г. – инспектор по формированию добровольческих частей на Румынском фронте. Участник Белого движения на Юге России. Начальник штаба Донской армии. За несогласие с политикой П.Н. Врангеля отдан под суд, в мае 1920 г. выслан за границу. Жил в Берлине, был близок к «сменовеховцам», с 1922 г. – редактор журнала «Война и мир». Подробнее о нем см.: Ганин А.В. 50 офицеров. Герои, антигерои и жертвы на историческом переломе. 1917–1922. М., 2022. С. 368–379; Его же. «То убожество, которое я встретил в области работы Генерального штаба на Дону, меня поразило». Неизвестное письмо полковника В.В. Добрынина генерал-лейтенанту А.К. Келчевскому от 21 апреля 1922 г. // Культурное и научное наследие русской эмиграции в Чехословацкой республике. Документы и материалы. М.; СПб., 2016. С. 54–75.

² Николаевская академия Генерального штаба (основана в 1832, с 4 августа 1909 г. – Императорская Николаевская военная академия) – высшее военно-учебное заведение, готовившее специалистов службы Генерального штаба для Русской императорской армии.

³ Замбржицкий Виктор Альфонсович (1883–1960) – генерал-майор. Окончил Императорскую Николаевскую военную академию (1911). Участник Русско-японской, Первой мировой и Гражданской войн. Участник Белого движения на Юге России (в составе Донской армии). С 1921 г. в эмиграции (в Сербии, Франции, США).

⁴ См., например: Фомин А.Ю. «Офицерство волнуется...». Российский офицерский корпус и публичная политика в 1905–1914 годах. М., 2024. С. 135–151.

В биографиях А.К. Келчевского и В.А. Замбржицкого много общего. Оба имели польские корни, являлись кадровыми офицерами и выпускниками Николаевской академии. Келчевский окончил ее в 1900 г., а Замбржицкий – в 1911 г. и был учеником Келчевского. В академии Келчевский «пользовался общей любовью всего переменного состава как отличный лектор и как человек, подкупавший всех простотой своего обращения»⁵. Оба офицера участвовали в Первой мировой и Гражданской войнах, были участниками Белого движения на Юге России, воевали в составе Донской армии белых, хотя и не являлись казаками. Скорее всего, именно в период их совместной службы на Юге России (между осенью 1918 г. и весной 1920 г.) и были записаны эти воспоминания. Оба оказались затем в эмиграции и получили известность благодаря своим публикациям.

Николаевская академия Генерального штаба (с 4 августа 1909 г. – Императорская Николаевская военная академия) являлась «кузницей кадров» военной элиты старой России. Как писал генерал А.И. Деникин⁶, «для непривилегированного офицерства иначе как через узкие ворота “Генерального штаба” выйти на широкую дорогу военной карьеры в мирное время было почти невозможно»⁷. События в академии влияли на подготовку и мировоззрение выпускников – будущих руководителей армии и государственных деятелей. Именно поэтому происходившее в стенах академии было столь важно для их профессионального и личностного становления.

После неудачной Русско-японской войны генштабисты оказались в числе главных сторонников преобразования армии. Многие педагоги Николаевской академии обратились к поиску новых форм обучения, внесению корректив в учебные курсы, приближению их к нуждам армии и задачам, которые предстояло решать выпускникам в мирное и военное время. Нововведения приживались медленно, а решительный пересмотр учебных курсов произошел лишь в 1910 г.⁸

Основным идеологом реформирования учебного курса выступал молодой преподаватель академии – профессор, полковник Н.Н. Головин⁹, получивший поддержку начальника академии генерала Д.Г. Щербачева¹⁰ и главнокомандующего войсками гвардии и Петербургского военного округа великого князя Николая Николаевича¹¹. Осенью 1908 г. Головин был командирован во Францию, откуда возвратился с идеей перенесе-

⁵ Поляков И.А. Донские казаки в борьбе с большевиками. 1917–1919. М., 2007. С. 30–31.

⁶ Деникин Антон Иванович (1872–1947) – генерал-лейтенант, политический деятель, мемуарист, публицист. Окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1899). Участник Русско-японской, Первой мировой и Гражданской войн. Один из лидеров Белого движения. Командующий, главнокомандующий Добровольческой армией. Главнокомандующий Вооруженными силами на Юге России. С 1920 г. в эмиграции (в Великобритании, Бельгии, Венгрии, Франции, США).

⁷ Деникин А.И. Путь русского офицера: Статьи и очерки на исторические и геополитические темы. М., 2006. С. 118.

⁸ Геруа Б.В. Воспоминания о моей жизни. Париж, 1969. Т. 1. С. 130.

⁹ Головин Николай Николаевич (1875–1944) – полковник (впоследствии – генерал-лейтенант). Экстраординарный профессор Николаевской академии Генерального штаба, ординарный профессор Императорской Николаевской военной академии. Видный военный ученый.

¹⁰ Щербачев Дмитрий Григорьевич (1857–1932) – генерал-лейтенант (впоследствии – генерал от инфантерии), начальник Императорской Николаевской военной академии (1907–1912; до 1909 г. – Николаевская академия Генерального штаба).

¹¹ Николай Николаевич (младший) (1856–1929) – великий князь из династии Романовых, главнокомандующий войсками гвардии и Санкт-Петербургского военного округа.

ния опыта французской Высшей военной школы (*École supérieure de guerre*)¹² на русскую почву. Он стал горячим сторонником прикладного метода обучения и пересмотра учебных программ.

В рамках прикладного метода упор делался на решение тактических и стратегических задач на картах. Группа слушателей делилась на две части, между которыми происходила военная игра. Отрабатывались задачи по наступлению, обороне, преследованию, отступлению. Проверялась организация службы разведки, связи, снабжения. В каждом «лагере» слушатели исполняли функции командира, начальника штаба, начальников оперативного, разведывательного, общего отделений, начальника снабжений. Как правило, примеры брались из сражений Русско-японской войны. «Начальник штаба» составлял докладную записку, в которой предлагалось решение по операции. «Начальник отряда» принимал решение. «Начальник оперативного отделения» составлял боевой приказ. Прочие «начальники» составляли документацию и отдавали распоряжения по организации разведки, связи, снабжения. В ходе игры давались дополнительные вводные. Так отрабатывалось реальное взаимодействие штабного коллектива в боевой обстановке. По окончании игры проводился ее анализ. Первые же опыты применения такого метода на отечественной почве показали его огромную пользу для всех участников, включая самих преподавателей¹³. Кроме того, Головин инициировал унификацию курсов преподавания тактики, для чего преподаватели должны были присутствовать друг у друга на лекциях.

Головин стал лидером неформального кружка борцов с традиционализмом и обскурантизмом в академии. В состав кружка входили молодые профессора, преподаватели и заведующие обучающимися: А.И. Андогский¹⁴, А.А. Балтийский¹⁵, В.Г. Болдырев¹⁶, Б.В. Геруа¹⁷, Н.Н. Головин, П.И. Измestьев¹⁸, А.К. Келчевский (Кельчевский), С.Л. Марков¹⁹, А.Ф. Матковский²⁰, А.А. Незнамов²¹, П.Ф. Ряби-

¹² Высшая военная школа (*École supérieure de guerre*) – высшее военно-учебное заведение французской армии, отвечавшее за подготовку штабных офицеров и высшего офицерского состава.

¹³ Геруа Б.В. Указ. соч. Т. 1. С. 252–253.

¹⁴ Андогский Александр Иванович (1876–1931) – подполковник (впоследствии – генерал-майор), штатный преподаватель военных наук Императорской Николаевской военной академии. Впоследствии – начальник академии (1917–1922; с перерывами).

¹⁵ Балтийский (наст. фамилия – Андреев) Александр Алексеевич (1870–1939) – полковник (впоследствии – генерал-майор). Штаб-офицер, заведующий офицерами, обучающимися в Императорской Николаевской военной академии.

¹⁶ Болдырев Василий Георгиевич (1875–1933) – полковник (впоследствии – генерал-лейтенант). Штаб-офицер, заведующий обучающимися в Императорской Николаевской военной академии.

¹⁷ Геруа Борис Владимирович (1876–1942) – полковник (впоследствии – генерал-майор). Экстраординарный профессор Императорской Николаевской военной академии (с 1912).

¹⁸ Измestьев Петр Иванович (1873–1925) – полковник (впоследствии – генерал-майор). Штатный преподаватель Императорской Николаевской военной академии.

¹⁹ Марков Сергей Леонидович (1878–1918) – подполковник (впоследствии – генерал-лейтенант). Штатный преподаватель Императорской Николаевской военной академии.

²⁰ Матковский Алексей Филиппович (Фелицианович) (1877–1920) – подполковник (впоследствии – генерал-лейтенант). Экстраординарный профессор Императорской Николаевской военной академии (с 1912 г.).

²¹ Незнамов Александр Александрович (1872–1928) – полковник (впоследствии – генерал-майор). Ординарный профессор Императорской Николаевской военной академии.

ков²², В.З. Савельев²³, В.А. Черемисов²⁴, Н.Л. Юнаков²⁵. Головин, Келчевский, Измествев и Незнамов были однокашниками по академии (выпуск 1900 г.). Вне академии их поддерживал А.А. Свечин²⁶. С осени 1910 г. Головин стал внедрять свои идеи в учебный процесс академии, а специальная дисциплина под названием «Служба Генерального штаба» начала преподаваться в академии в 1911/1912 учебном году. Целью курса было приближение академической программы к практике службы генштабистов. Большого эффекта это нововведение в оставшиеся два предвоенных года не дало, а проводившиеся преобразования не отличались последовательностью²⁷. Тем не менее, польза от работы кружка была несомненной, поскольку учебная программа оказалась приближена к практическим нуждам армии. Кроме того, группа Головина в 1912 г. разработала свой проект нового Устава полевой службы²⁸, который, однако, был отклонен военным министром В.А. Сухомлиновым²⁹, но позднее эти наработки были включены в другой, утвержденный устав.

Вопрос о принципах преподавания выходил за рамки учебного процесса и касался власти и влияния как внутри академии, так и шире – в корпусе офицеров Генерального штаба и в целом в армейском руководстве. От решения этого вопроса зависело, какой станет военная элита страны. Кроме того, как отмечал А.К. Келчевский, новая постановка преподавания заставляла преподавателей всецело посвящать себя работе в академии, забыв о подработках, что ухудшало их материальное положение. В результате группа Головина столкнулась с ожесточенным противодействием старых профессоров академии (в том числе преподавателей, сокращенных в результате реформирования предметов) и их сторонников, причем противники Головина на некоторое время взяли верх. В качестве основного недоброжелателя группы Головина своим некорректным поведением и интригами прославился М.Д. Бонч-Бруевич³⁰, связанный с военным ми-

²² Рябиков Павел Федорович (1875–1932) – полковник (впоследствии – генерал-майор). Штаб-офицер, заведующий обучающимися в Императорской Николаевской военной академии офицерами.

²³ Савельев Виктор Захарович (1875–1943) – полковник (впоследствии – генерал-лейтенант). Штаб-офицер, заведующий обучающимися в Императорской Николаевской военной академии офицерами.

²⁴ Черемисов Владимир Андреевич (1871–1937) – полковник (впоследствии – генерал от инфантерии). Штатный преподаватель военных наук Императорской Николаевской военной академии.

²⁵ Юнаков Николай Леонтьевич (1871–1931) – полковник (впоследствии – генерал-лейтенант). Экстраординарный профессор Императорской Николаевской военной академии.

²⁶ Свечин Александр Андреевич (1878–1938) – подполковник (впоследствии – генерал-майор). И.д. помощника делопроизводителя Главного управления Генерального штаба.

²⁷ Калнин Э.Х. Генеральный штаб и его специальность. Одесса, 1909. С. 11–19, 79.

²⁸ «Устав полевой службы и наставление для действия в бою отрядов из всех родов оружия» – нормативно-правовой документ Русской императорской армии, регламентировавший подготовку и ведение боевых действий войсками разных родов. Действовавший на момент описываемых событий Устав был утвержден императором Николаем II в 1904 г. Новая редакция «Устава полевой службы» была утверждена в 1912 г.

²⁹ Сухомлинов Владимир Александрович (1848–1926) – генерал от кавалерии. Военный министр (1909–1915).

³⁰ Бонч-Бруевич Михаил Дмитриевич (1870–1956) – полковник (впоследствии – генерал-майор). Штаб-офицер, заведующий обучающимися в Императорской Николаевской военной академии офицерами. Участвовал в составлении и издании «Устава полевой службы 1912 года» под общим руководством генерала от инфантерии Н.В. Рузского (Устав Вы-

нистром В.А. Сухомлиновым. Будучи учеником генерала М.И. Драгомирова³¹, Бонч-Бруевич и накануне Первой мировой войны продолжал отстаивать его устаревшие еще до Русско-японской войны взгляды на военное дело. Как это нередко бывает, различие во взглядах породило личную неприязнь, а борьба в академии переместилась в великосветские салоны. Бонч-Бруевич распускал слухи о том, что участники кружка, не имевшего никаких политических целей, плетут заговор, и даже назвал их «младотурками» (по названию группы турецких офицеров, организовавшей в 1908 г. вооруженный переворот в Османской империи)³². В итоге был снят с должности генерал Щербачев, которого сменил генерал Н.Н. Янушкевич³³, а затем изгнаны из академии были и члены кружка Головина.

Инцидент показал плохую информированность, отсутствие прагматизма, косность и недалекость высшего военного руководства Российской империи, не имевшего объективной информации о работе группы Головина, не понимавшего важности модернизации академической подготовки, опиравшегося на слухи и сплетни в принятии важных решений, дискредитировал императорскую власть в глазах «младотурок» – впоследствии влиятельных военных деятелей. Между тем, политической составляющей в деятельности кружка не было. Позже и сам Бонч-Бруевич столкнулся с отторжением преподавательского состава академии³⁴. Среди других противников Головина был правитель дел академии профессор А.К. Баиов³⁵ и ряд старых профессоров (в том числе А.И. Медведев³⁶ и Г.Г. Христиани³⁷). За некоторым исключением³⁸ сторонники Головина хорошо проявили себя в дальнейшем на фронтах Первой мировой войны. Отголоски этих споров можно наблюдать в событиях 1917 г. вокруг академии, когда по инициативе военного министра А.И. Гучкова³⁹ были проведены беспрецедентные выборы ее нового началь-

сочайше утвержден 27 апреля 1912 г.). Один из организаторов и руководителей Красной армии (1918). Генерал-лейтенант Красной армии (1944).

³¹ Драгомиров Михаил Иванович (1830–1905) – генерал от инфантерии, генерал-адъютант. Выдающийся военный теоретик.

³² Младотурки – националистическое и конституционалистское движение в Османской империи конца XIX – начала XX вв., опиравшееся на учащихся высших военно-учебных заведений, часть офицеров, чиновников и интеллигенции. Главным организационным центром младотурок стала тайная политическая организация «Единение и прогресс», совершившая в 1908 г. вооруженный переворот, одним из последствий которого стало ограничение власти султана Абдул-Хамида II, а затем – его низложение (1909).

³³ Янушкевич Николай Николаевич (1868–1918) – генерал-лейтенант (впоследствии – генерал от инфантерии). Начальник Императорской Николаевской военной академии (1913–1914).

³⁴ ГА РФ. Ф. Р–5793. Оп. 1. Д. 16. Л. 48.

³⁵ Баиов (Байов) Алексей Константинович (1871–1935) – генерал-майор (позднее – генерал-лейтенант), правитель дел и ординарный профессор Императорской Николаевской военной академии. Военный историк.

³⁶ Медведев Александр Иванович (1853–1925) – генерал-майор (позднее – генерал-лейтенант). Ординарный профессор Императорской Николаевской военной академии.

³⁷ Христиани Григорий Григорьевич (1863–1922?) – генерал-майор (позднее – генерал-лейтенант). Ординарный профессор Императорской Николаевской военной академии.

³⁸ Ганин А.В. Закат Николаевской военной академии, 1914–1922. М., 2014. С. 46–47.

³⁹ Гучков Александр Иванович (1862–1936) – российский предприниматель и политический деятель. С 1906 г. – председатель ЦК партии «Союз 17 октября». Военный и морской министр Временного правительства (март–май 1917 г.).

ника⁴⁰. Тогда все те же старые профессора академии выступили единым фронтом против ставшего к тому времени популярным в Генеральном штабе и дослужившегося до генеральского чина Н.Н. Головина. Они выдвинули альтернативного кандидата из своей среды – А.И. Андогского, который в итоге и получил назначение.

Академический кружок «младотурок» иногда путают с другим кружком с таким же названием, связанным с видным политическим деятелем начала XX в. А.И. Гучковым⁴¹. История его следующая. Осенью 1908 г. группу представителей Генштаба и депутатов Думы собрал военный министр А.Ф. Редигер⁴², поручивший дальнейшую работу своему помощнику А.А. Поливанову⁴³. Участники кружка (в основном члены Военно-исторической комиссии по описанию Русско-японской войны⁴⁴ под председательством генерала В.И. Гурко⁴⁵) занимались обсуждением законопроектов военного ведомства, вносившихся в Государственную думу. Собрания примерно в течение двух лет проходили на квартире Гурко и на квартирах других лиц⁴⁶. Заметную роль играли генштабисты⁴⁷. А.И. Гучков считал, что «это готовый орган, с которым мы могли бы сойтись на началах сотрудничества»⁴⁸. Этот политический деятель вынашивал далеко идущие планы прихода к власти и искал опору в среде военной элиты. Отметим, что впоследствии сразу несколько представителей этой группы офицеров оказались причастны к событиям отречения императора Николая II. Контакты продолжались и при сменившем Редигера в 1909 г. военном министре В.А. Сухомлинове⁴⁹. В кружке обсуждалась ненормальность

⁴⁰ Подробнее см.: Ганин А.В. Закат Николаевской военной академии... С. 76–103; Его же. Академический зигзаг. Главное военно-учебное заведение старой России в эпоху войн и революций. М., 2025. С. 74–90.

⁴¹ См., например: Хутарев-Гарнишевский В.В. Противостояние: Спецслужбы, армия и власть накануне падения Российской империи, 1913–1917 гг. М., 2020. С. 115.

⁴² Редигер Александр Федорович (1853–1920) – генерал от инфантерии. Военный министр (1905–1909).

⁴³ Поливанов Алексей Андреевич (1855–1920) – генерал-лейтенант (впоследствии – генерал от инфантерии). Помощник военного министра (1906–1912). Неоднократно временно исполнял обязанности министра.

⁴⁴ Военно-историческая комиссия по описанию Русско-японской войны работала в 1906–1911 гг. при Главном управлении Генерального штаба под председательством генерала В.И. Гурко. Целью комиссии было составление официальной истории Русско-японской войны. По итогам работы комиссии был издан 9-томный труд «Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа военно-исторической комиссии по описанию Русско-японской войны» (СПб., 1910. Т. 1–9).

⁴⁵ Гурко (Ромейко-Гурко) Василий Иосифович (1864–1937) – генерал-майор, генерал-лейтенант (впоследствии – генерал от кавалерии). Председатель Военно-исторической комиссии по описанию Русско-японской войны (1906–1911).

⁴⁶ Айрапетов О.Р. Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и на революцию (1907–1917). М., 2003. С. 13.

⁴⁷ Ганин А.В. Кадры Генерального штаба в период Гражданской войны в России 1917–1922 гг. М., 2023. Т. 1. С. 92–94; Фомин А.Ю. «Офицерство волнуется...» С. 122; Чирков А.А. Взаимоотношения думской комиссии по государственной обороне с Военным и Морским министерствами в 1907–1917 гг. // Военно-исторический журнал. 2016. № 2. С. 38–44.

⁴⁸ Александр Иванович Гучков рассказывает... Воспоминания Председателя Государственной думы и военного министра Временного правительства. М., 1993. С. 56.

⁴⁹ Подробнее см.: Fuller W.C., Jr. Civil-Military Conflict in Imperial Russia 1881–1914. Princeton, 1985. P. 202–204; Фомин А.Ю. «Офицерство волнуется...» С. 85–135.

назначения на высшие военные посты не по квалификации кандидатов, а по их связям⁵⁰. Часть членов кружка прекратила свое участие в нем в 1910 г. – после того, как на одном из собраний подвергся жесткой критике утвержденный императором проект перестройки Владивостокской крепости⁵¹.

Рукопись не датирована. Как уже отмечалось, запись могла быть сделана Замбжицким не позднее весны 1923 г., когда скончался генерал Кельчевский; скорее всего, она относится ко времени совместной службы двух генералов в Донской армии в Гражданскую войну. По-видимому, позднее текст был переписан набело. В РЗИА воспоминания попали весной 1925 г. и прошли экспертизу.

Военный эксперт РЗИА генерал В.В. Чернавин⁵² в подготовленной 12 апреля 1925 г. рецензии отметил, что материал «представляет собой изложение событий, имевших место в период между Японской и Мировой войной в академии Ген[ерального] штаба и связанных с борьбой двух направлений в профессорском составе: группы молодых профессоров, поддерживавшихся н[ачальни]ком академии генералом Щербачевым, стремившихся перестроить на новых основаниях систему подготовки офицеров Ген[ерального] штаба, и старых профессоров, сторонников прежней системы. Борьба эта, как известно, не была локализована стенами академии. В нее вмешался военный министр генерал Сухомлинов, чисто академическому вопросу была придана политическая окраска, и дело кончилось уходом из академии генерал Щербачева и кое-кого из профессоров-новаторов.

Этот характерный эпизод из истории русской академии Ген[ерального] штаба записан генералом Замбжицким со слов б[ывшего] профессора академии генерала Кельчевского, который был одним из видных представителей нового течения в академии. Попутно с изложением хода борьбы двух направлений в академии автор дает также словами Кельчевского характеристику ряда лиц, принимавших участие в этих событиях и игравших в последующий период войны и революции заметную роль (генералы Янушкевич, Сухомлинов, Щербачев, Головин, Бонч-Бруевич и др[угие])»⁵³. Эксперт считал желательным приобретение рукописи архивом за 200–250 чешских крон за печатный лист. Концом апреля датирован счет за рукопись на 300 крон⁵⁴.

В публикуемых воспоминаниях, записанных со слов очевидца, присутствуют различные ошибки памяти. В основном они касаются датировок тех или иных событий. По возможности эти неточности исправлены в комментариях и не снижают общей ценности публикуемого источника.

Воспоминания публикуются в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации при сохранении стилистических особенностей. Явные ошибки исправлены без оговорок. В примечаниях и авторском тексте все даты истории России до февраля 1918 г. приведены по старому стилю.

Публикацию подготовил доктор исторических наук А.В. ГАНИН.

⁵⁰ Александр Иванович Гучков рассказывает... С. 57–58.

⁵¹ Бахметевский архив русской и восточноевропейской истории и культуры (Нью-Йорк). Anton and Kseniia Denikin Collection. Box 3. Folder 5.

⁵² Чернавин Виктор Васильевич (1877–1956) – генерал-майор, военный историк. С 1921 г. жил в Чехословакии. Сотрудник и военный эксперт РЗИА.

⁵³ ГА РФ. Ф. Р–7030. Оп. 1. Д. 232. Л. 157.

⁵⁴ Архив Славянской библиотеки (Прага) (АСБ). Т–RZIA. 06–653. Л. 7–8.

**Младотурки в академии Генерального штаба
(запись по рассказу профессора академии Генерального штаба
генерал-лейтенанта А.К. Кельчевского)¹**

Я поступил в академию в то переходное время, когда во внутренней ее жизни назревал перелом. После неудачной войны 1904–[19]05 года^а в академии вообще, в науке и научной постановке в частности, чувствовался какой-то разлад; все сознавали, что что-то не совсем у нас ладно, что-то да не так, но что именно не так, и как именно было нужно, то – никто сказать не умел. И в военной литературе, и в военных правящих сферах, и среди офицеров Генштаба, и в профессорских кругах чувствовалось какое-то брожение умов, искание военной истины (доктрины, как ее тогда называли), выхода из создавшегося жизненного тупика, последствием коего в академической жизни естественно назревала борьба двух течений; двух взглядов, – старой и новой школы, представителями коей (последней) были молодые, живые профессорские силы, требовавшие реформ, в противоположность старым, матерым профессорам-схоластике – консерваторам, державшимся незыблемости старой школы.

Чтобы по возможности вернее нарисовать эту борьбу, я приведу рассказ одного из наиболее видных участников этой борьбы – столпов младотурецкой партии – генерала Кельчевского, который рассказывал мне всю эпопею этой борьбы, продолжавшейся несколько лет.

«Наше поражение в Русско-японской войне заставило наши правящие военные круги оглянуться на себя и заново пересмотреть постановку нашего военного дела, и боевую подготовку нашей армии и, в частности, постановку военно-научных вопросов и всей системы академии Генерального штаба. Мы, молодые офицеры Генерального штаба, испытавшие на собственном опыте во время японской войны архаичность приемов академической школы, понимали, что научная постановка в академии в том виде, в каком мы ее сами проходили и в каком она продолжала существовать и после войны, понимали, что она изжила уже свой век и что нужно что-то другое, новое...^б Мы знали, что нас заела теория, что надо переменить систему преподавания военных знаний, дабы подготовить практиков и сведущих людей в наиболее важных отделах военных знаний – военном искусстве и тактике. Об этом всюду говорилось, об этом всюду писали, и постепенно эта мысль была усвоена высшими кругами. И вот в 1908 году было решено послать одного из наших профессоров во Францию, ознакомиться там с постановкой военно-научного дела, дабы путем сравнения уяснить себе, в чем же мы нуждаемся и в чем у нас недочет. Начальство выбрало полковника Беляева², одного из выдающихся и способнейших офицеров. Дали ему по тому времени большую сумму денег – 12 тысяч рублей и командировали на год за границу в Сен-Сирскую высшую военную школу³. Проходит год, приезжает Беляев, говорит о том, о сем, мимоходом о своих впечатлениях, о необходимости реформы, но отчета не представляет, и только после настойчивых и неоднократных напоминаний и приказаний начальника академии⁴, Беляев, наконец, разрешился от бремени тоненькой книжечкой, – в 24

^а Имеется в виду Русско-японская война.

^б Здесь и далее так в тексте.

странички литографированного отчета, который мы прочли и недоумевали, что же он, в конце концов, вынес из-за границы? Если судить по книжечке, то наиболее существенное, что он усмотрел, это то, как профессор входит в аудиторию... По крайней мере, у него это было очень обстоятельно написано, – профессор входит в фуражке и белых перчатках, прикладывает руку к козырьку, снимает перчатку и т. п. Были, правда, кое-какие сведения о занятиях, но вообще говоря, градаций постановки было мало, и мы, в сущности, так и не уяснили себе, в чем же разница, и какие особенности в методе преподавания во французской военной академии.

Вот тогда-то было решено послать другого, более наблюдательного офицера и командировали Головина... Головин вернулся через год осенью (в 1910 году⁵) и выпустил свой прекрасный труд «Высшая военная школа»⁶, который к сожалению, не получил широкого распространения и был выпущен всего в 200 экземплярах на правах рукописи, т. к. печатание его по особым, неизвестным для нас, простым смертных, соображениям свыше было запрещено.

В этом труде Головин подробно рассматривает нашу систему, подходит исторически к решению вопроса и дает ряд выводов, которые сводятся в общем к следующему:

1) Преподавание должно быть основано на специализации и разделении профессорского труда. Военная наука настолько сложна, что недопустимо, например, профессору, читающему статистику, преподавать тактику, потому что эти две науки совершенно различны и ничего общего между собою не имеют, а между тем, у нас как раз наоборот, считалось нормальным, что профессор читает любой предмет, проходящийся в академии, независимо от того, понимает ли он его, как следует, или он с ним лишь поверхностно знаком.

Но мало того, и в самом предмете должны быть отделы по специальности, – по тактике каждого рода войск в отдельности, – тактике пехоты, конницы, артиллерии и технических войск.

2) Надо принять за правило, что в академии не школьники, а люди зрелые, которых нельзя пичкать одними лекциями и теорией, и отнимать у них на это весь день. Надо дать им время на самообразование и чтение всех лекций, дабы человек поработал над саморазвитием и соображением.

3) Постановка преподавания важнейшей военной науки – тактики – никуда не годится; практики нет никакой, общности идей и единства военного взгляда нет. Профессор только требует, но не учит. Необходимо: широкие упражнения по тактике на картах, широкое участие профессоров при предварительной их совместной подготовке. Упражнения: готовая, отпечатанная заранее задача, составленная всей кафедрой тактики и предварительно решенная ею же на дому, чтобы не было разногласия.

Когда мы впоследствии практически выполняли это требование, мы убедились сами, насколько это необходимо. Какие споры, какие горячие дебаты, помню, возникали, при разборе задачи по поводу какого-либо вопроса, вытекающего из данных задания и влияющего на решение... Какая буря разногласий... Мы, разгоряченные доводами коллеги, с пеной у рта и чуть ли не с кулаками лезли друг на друга, доказывая и отстаивая свои убеждения и положения, а все это показывало, как различны были в общем наши взгляды и как полезна была такая предвари-

А.К. Келчевский.
Государственный архив РФ

В.А. Замбржицкий.
Научный архив Института
российской истории РАН.
1911 г. Публикуется впервые

тельная объединяющая работа, так как после долгих споров и дебатов для данной задачи выливалось, наконец, то или иное единое по идее решение.

Это не значило, конечно, что всякое другое решение, принятое потом слушателем, признавалось неправильным. Нет, мы относились к нему снисходительно, ибо безошибочное решение – зависит от искры Божией и нельзя сказать, как в действительности, на войне, к каким результатам оно бы привело, имея в виду не поддающиеся учету многообразные особенности боя в каждом частном случае, но мы логически доказывали невыгодность, а, следовательно, с точки зрения расчета, неправильность принятого слушателем решения, шедшего вразрез с основным принятым кафедрой решением, которое и для нас, всех профессоров, считалось обязательным, независимо от того, соглашался ли с ним тот или иной профессор, раз это решение было окончательно принято на предварительном обсуждении.

Да. А потом шло уже исполнение. Каждой партии, т. е. группе офицеров, давалось определенное время – 15 минут. Решайте задачу, но предварительно выслушайте и прочтите раз 10 задание, чтобы потом уж не отговариваться: «Ах, я это пропустил». И знать его в точности. Затем решение это обсуждалось здесь же, коллегиально. Поручик такой-то, Ваше решение? Так. Ну, а вы, – спрашиваю другого, третьего и так далее, не обсуждая ответов, пока не выскажутся все (а сам делаю у себя заметки в книжечке). Кто имеет что возразить? – спрашиваю я, когда решения высказаны. И вот начинается разбор.

Если кто не согласен с чьим-либо решением, докажи, почему. Задачи начинались с мелких боевых единиц, не выше полка и бригады, чтобы проследить все события и действия войсковой части в боевой обстановке до последних мелочей и чтобы потом слушатель успел написать все распоряжения, вытекающие из принятого и уже обсужденного нами совместно с ними решения, все донесения и вообще проделать все то, что ему в действительности придется выполнять в бою в качестве начальника и подчиненного... И таких задач в году с каждой партией слушателей мы проделывали 120, понимаете ли, 120? Чувствуете ли эту огромную цифру?

Мы стремились привести примеры по возможности на все случаи боевой жизни, по крайней мере те, что наиболее часто встречаются... Ведь это же адский труд не столько для слушателей, сколько для нас, профессоров, ибо предварительная согласованность решений и взглядов требовала от нас громадной затраты времени. Мы работали, нисколько не преувеличивая, по 18 часов в сутки, но и сами были заинтересованы делом не менее, чем наши ученики... Для нас это ведь тоже была своего рода школа, какую не даст никакая научная работа, а только такое живое общение, обмен знаний...

При такой обстановке не было нужды и баллов ставить слушателям, ибо каждый из нас, проведя с[о] слушателями все 120 задач, изучал своих учеников как свои пять пальцев и уж действительно знал, кто чего стоит.

Впрочем, в году было несколько отчетных задач, причем на каждую давалось 5 часов, в течение которых каждый офицер обязан был написать кратко мотивы принятого им решения и выполнить письменно все необходимые распоряжения и донесения. Эти задачи просматривались профессорами на дому, а затем прочитывались на публичном разборе, причем ошибки и курьезы, отмеченные профес-

сором, объявлялись во всеуслышание, но не называя фамилии, чтобы не смущать их авторов... Споров, бывало, между слушателями после разбора было без конца^а...

Но продолжаю о книге Головина.

4) Тактика читается не в должной мере глубоко. Надо читать ее не всю вместе, а порознь, по отделам, по каждому роду войск, особо, чтобы не только знать, но и понимать все особенности данного рода оружия, лектор должен сам происходить из него, ибо только тогда он сумеет и слушателям передать с наибольшей пользой свои знания, только тогда он сумеет понять его психологические особенности, которые добываются службой и непосредственным соприкосновением с жизнью и деятельностью войсковой среды данного рода оружия.

Иначе говоря, профессор из сапер[ов] должен читать тактику инженерных войск, но никоим образом не конницы и т. п.

5) А чтобы не было разномыслия в общих идеях тактики, каждый профессор обязан присутствовать на лекции своего товарища, и если он случайно допустил на своей лекции противоречие или иное толкование какого-либо вопроса, он обязан вслед за тем на следующей лекции сказать: «Господа, в прошлый раз я Вам пояснил такой-то вопрос так-то. Это неверно. Академия рассматривает его вот так...

6) Чтобы выполнить все изложенные требования, профессора должны уделить все свое внимание, все силы, все время одному делу – делу служения академической науке, одному академическому Богу, а не мамоне, т. е. иначе говоря, никаких гастролей, никаких занятий на стороне, вне академии, для профессоров не допускалось...

Но вот тут-то и была зарыта собака. Как хотите, а отказаться от 500-рублевого, а то и больше ежемесячного частного заработка, какой давали гастролерам уроки и занятия в разного рода офицерских школах и военных училищах, от заработка, так сказать, освященного давностью традиций, вошедшего в бюджет многих и многих старых, давно практикующих профессоров, было им не только не под силу, но просто разрушало все их экономическое равновесие и душевное состояние. И кто же требует? Какие-то юнцы, хотя и получившие звание профессора, но все же их же ученики, которых они в свое время сумели же научить всему, и теперь эти же юнцы пришли, чтобы перевернуть вверх тормашками весь академический мир? Нет, не бывать этому! Свою позицию они без боя не отдадут... И началась борьба, борьба упорная, незримая, руководимая опытными влиятельными руками, – какими, я расскажу дальше...

Прежде всего, чтобы замазать рот Головину, ему, как я уже сказал выше, по соображениям «высшего порядка» было воспрещено печатание его отчета, а разрешено отпечатать лишь в числе 200 экземпляров на правах рукописи.

Тем не менее, Головин представил свой отчет для рассмотрения его конференцией академии⁷.

А весной 1911 года, надо Вам сказать, конференции продолжались целый март и, зачастую начавшись в 8 часов вечера, иногда затягивались до 8 часов утра. И вот в один прекрасный день назначена была конференция для рассмотрения отчета и проекта реформы Головина.

^а Так в документе.

Предстояло генеральное сражение между представителями старой и новой школы, к этому сражению готовились, и партия наших противников мобилизовала все свои силы. Надо сказать, что во главе ее стояли такие столпы, как Христиани, Медведев, Баиов, Бонч-Бруевич, два царедворца – Янушкевич и Гулевич⁸ (не могу не сказать, что эта хитроумная лиса никогда открыто не присоединялась к какому-либо решению... Гулевич всегда оставался «при особом мнении», которое он потом письменно представит в виде мотивированного доклада, и никогда, конечно, никакого доклада не представлял). «Банщик» Незнамов колебался (он зарабатывал много на стороне, и ему предложение Головина было не совсем по сердцу).

За Головиным же шли молодые профессорские силы – Юнаков и я, составляя, так сказать, основное ядро младотурок (я расскажу историю этого названия), к которому потом примкнули и другие. Но что очень было важно, нас поддерживал Щербачев, этот достойнейший и разумнейший начальник академии.

Да, так вот, противники наши пригласили в качестве «маневренного резерва»^а почетных членов академии – стариков-профессоров генералов Акима Михайловича Золотарева⁹, Щербова-Нефедовича¹⁰, Сухотина¹¹, ни к селу, ни к городу геодезиста Штубендорфа¹², Глазова¹³ и др. ... Мы так и расселись по разным сторонам длиннейшего стола. Я сел рядом с Головиным.

Заседание началось громовой речью Золотарева, явно подготовленной и инспирированной Христиани.

«Передо мной, – начал он отдельно, – лежат два отчета, один – литографированный (Беяева), другой печатный (он говорил не «печатный», а «печатанный»), а разница – один тоненький, а другой – в виде убористой книжечки. В литографированном отчете профессор входит в класс в головном уборе, а печатанный отчет ничем особым не замечателен, разве только своими корректурными ошибками...»

Головин при этих словах привскочил как ужаленный и говорит мне: «Я ему по физиономии дам». – «Подожди, – останавливаю я, – нельзя же перебивать!». Но Головин не выдержал, и, обратившись к председательствовавшему Щербачеву, сказал: «Я прошу Ваше Превосходительство обратить внимание, что здесь не лекция русского языка, а разбирается вопрос более важного государственного характера».

А Золотарев продолжал. Я не помню точно его речи, но смысл ее был таков: «Были столпы академии: покойный Михаил Иванович Драгомиров, Генрих Антонович Леер¹⁴ и другие, долголетними и упорными трудами коих создавалась наша *alma mater*¹⁵, наша военная академия, выпустившая стольких государственных деятелей, и вдруг явились какие-то мальчишки, и хотят перевернуть вверх дном весь сложившийся порядок вещей, весь академический уклад, освященный традициями давности. Где же это мы живем? – С пафосом спрашивает он. К чему же это нас поведет? Что же взамен той, жизнью оправданной системы, которую с такими усилиями насадили Драгомиров и Леер, преподносят нам эти мальчишки (так и хочется заехать ему в физиономию за эти слова)? Они предлагают – смотрите 80^ю страницу печатного отчета, – одну задачу! Од-ну, за-да-чу на весь класс! А? Ведь

^а В то время в академии это было модное слово. Маневренный резерв – это ударная группа (*Прим. мемуариста*).

это полное незнание жизни! Дать одну задачу – это научить офицеров списывать друг у друга! Так вот к чему стремятся эти господа!! Проповедуют доверие к молодому офицеру, к ученику, не понимая основной истины школьного режима, который требует шор и постоянного, непрерывного наблюдения и руководства...».

Речь Золотарева, продолжавшаяся 2 часа, вызвала шумное [одобрение] противной партии, которая заранее ликовала, торжествуя свою победу и наш провал. Был объявлен перерыв, стали разносить чай, кто хотел покурить, спускался вниз, в профессорскую.

Держались своими кучками, обсуждая речи, возражения, делясь своими впечатлениями, мнением, настроением... Когда мы, Головин, я, Юнаков и Незнамов спускались по лестнице, сзади шел Колюбакин¹⁶, и, как всегда, разглаживая в стороны свои длинные седеющие баки, низким басом прогудел: «Ну, Ваше дело проиграно! Аким Михайлович^а – это такой маневренный резерв, что Вам его не осилить». – «Цыплят по осени считают», – ответил, смеясь, я ему.

Помню, как мы волновались, готовясь отвечать почтенному собранию... Головин очень красиво возразил, а я, помню, буквально как истерик кричал, когда разошелся в своей речи: «Как горько, как обидно мне было слышать здесь из уст почтенного моего старого профессора его слова. Он усомнился в русском офицере, в доверии к нему, он сравнивает его с гимназистом! Да, я вспоминаю свое время в академии. Да, мы были школьники. Я помню, как однажды Аким Михайлович крикнул нам: «Что Вы стоите здесь, как бараны?» Так Вы этого хотите? Вы хотите из русского офицера делать стадо баранов? Скажите, я требую от Вас ответа, что – Японская война проиграна или нет? Да, она проиграна, но кем, кем она проиграна? Вы молчите? Так я скажу: Вами, носителями военной доктрины, а не армией, Вами, готовящими из офицеров баранов...».

Сухотин вполголоса, но так, что я слышал, произнес, обращаясь к Щербачеву: «Да он у Вас Пуришкевич¹⁷».

А я продолжал: «Так не будем же подражать баранам, иначе этот режим и в будущей войне готовит нам тяжкое, еще горшее поражение, нежели Японская война... Необходимо, пока не поздно, перейти к другой, новой системе, чтобы готовить не теоретиков, а практиков военного дела, людей, умеющих думать и разбираться в обстановке собственной головой».

Я сел, взволнованный, разгоряченный, весь красный от кипевших во мне противоположных чувств...

Встал Сухотин. Спокойно и тихо, деловитым тоном он сказал разумную речь, которая сразу выбила оружие из рук противников и потянула весы в нашу сторону: «За многолетний период существования академии, время от времени постоянно возникали подобного рода споры, когда сама жизнь выдвигала новые вопросы...Быть может, мы, старики, ошибаемся, быть может, мы отстали от жизни... Так предоставим же молодым силам творческую работу, пусть они попробуют... Кто знает, быть может, новые пути, начертанные ими, приведут нас в будущем к победе, а в этом – благо Родины, России, перед которым мы все должны склониться...».

^а Имеется в виду А.М. Золотарев.

Сухотина поддержал Щербов-Нефедович, и когда эти два старика открыто, так сказать, стали, если не на нашу сторону, то и не против нас, настроение сразу переменялось... Почувствовалась уверенность в победе...

Еще не высказались все, когда после Нефедовича встал Щербачев и сказал: «Вопрос ясен. Чтобы не затягивать прения, я предлагаю поставить на закрытую баллотировку вопрос, необходимо ли перейти к новому методу преподавания или же нет».

Головин, совершенно неожиданно для Щербачева, вскочил как ужаленный: «Перед кем мы будем скрываться в эту историческую минуту, когда решается участь академии, а с нею и русской армии?.. Зачем нам закрытая баллотировка? Пусть каждый открыто скажет, за что он идет?».

Предложение Головина всполошило всех. Поднялся шум, крики... Возгласы за и против, причем, старики, конечно, протестовали, а младотурки поддерживали. Спор решил Щербачев, авторитетно сказав: «Да, в открытую!».

Мы видели, как сел записывать голосующих Баиов, к нему подсел Бонч-Бруевич. Головин просит записывать и меня: «А то еще передернут», – недоверчиво покосился на Баиова.

Как теперь помню, на правом фланге, на краю стола сидел Добрышин¹⁸, которому предстояло первым высказать свое мнение и подать открыто свой голос. Добрышин не без театральности поднялся и мужественным зычным голосом (он всегда в таких торжественных случаях считал нужным говорить басом) сказал: «Нет, не переходить!».

Вторым голосовал Незнамов: «Да, за переход». Третьим я: «Да, безусловно!». Головин – да. Юнаков – да. Следующим был Елчанинов¹⁹. Он поднялся и, не помню, что-то хотел сказать, начав речь, но его перебил Щербачев.

– Нет, Вы скажите только да или нет, вопрос решен.

– Ну, что ж! В таком случае да, переходить.

Затем Данилов (рыжий)²⁰ – за переход. За ним встал Колюбакин, но мы так и до сих пор не можем решить, за что он сказал, за или против. Ну, а затем пошли старики. Аким Михайлович – нет, Христиани – нет, Медведев – нет, два царедворца Гулевич и Янушкевич, последний – нет, а первый, конечно, остался при особом мнении. Баиов – нет^a, Зейфарт²¹ и Даниловский²² – не помню.

Одним словом, когда голосование кончилось, оказалось, что 14 за и 14 против. Тогда встал Щербачев и властно сказал: «Я за переход», – а он, как председатель, имел 2 голоса, и таким образом вопрос был решен большинством голосов в нашу пользу. Ура, мы победили!.. Нужно ли передавать наше ликование?.. Но весь «маневренный резерв» тотчас же после голосования встал и демонстративно вышел, сказав: «Дальше Вы решайте сами».

Все передано было в наши руки для осуществления на практике задуманной реформы. Тяжело нам приходилось в ту пору. Надо было оправдать доверие конференций, наши положения, за которые мы чувствовали себя ответственными не только перед академией, но и перед русской армией и Родиной, да и самолюбие не позволяло идти назад, а ведь всякого рода новые пути не так-то ведь легко даются. Но постепенно к нам стала примыкать молодежь, новые лекторы – Андогский,

^a В рукописи фраза повторяется дважды.

Черемисов, Свечин, Геруа, Матковский, и мы общими усилиями начали налаживать дело.

Головин взял тактику, кавалерию в помощь ему – Матковский, пехоту – Юнаков и Марушевский²³, я – артиллерию, Болдырев – технические войска; на старшем курсе тактику читал Черемисов (корпус).

Для преподавания отделов по администрации, снабжению, санитарной части, техники, решено было пригласить специалистов из соответственных высших школ – Интендантской академии²⁴, Медицинской²⁵, Электротехнической школы²⁶ и т. п.

Приступили к занятиям. Первая тактическая задача была на конницу, на действия кавалерийской дивизии, организация разведки и отдача всех распоряжений, начиная от командира полка и ниже, вплоть до старшего дозора. На первый раз дали возможно больше времени, чтобы офицеры освоились с новым методом. В период просмотра задач профессорами узнаем, что Бонч-Бруевич позволил себе на печатном задании, находившемся у одного из слушателей, написать критику на задание с саркастическими восклицательными знаками. Дошло дело до Щербачева, и вот в середине недели Щербачев экстренно собирает у себя в кабинете всех руководителей по тактике, и когда все собрались, он, как всегда, низкой октавой, начал:

«Мы приступили, господа, к новому методу ведения занятий (а надо сказать, что конференция должна была представить затем заключение о новом методе). Я назначил не только сторонников, но и противников этой системы, но вот произошел весьма грустный инцидент. Один из руководителей позволил себе крайне некорректный, чтобы не сказать более, поступок... Вы сами понимаете, господа, всю его некорректность, ибо дискредитировать в глазах ученика своего профессора критикой его задания, быть может, даже и основательной – это недопустимо...».

Бонч-Бруевич, весь красный, вполголоса говорит: «Какой подлец допустил эту мерзость?». – «Вы, – поднялся навстречу ему с места Головин». – «Этого не может быть», – возмутился, вскрикнув, Бонч.

Но Головин знал, что говорил: у него, как у старшего руководителя по тактике, собирались все задачи, и он-то и заметил на одной из них отметку Бонча, о чем и доложил Щербачеву, которому и передал задачу: «Ваше Превосходительство, позвольте задачи офицеров... Вот Вам Ваша критика», – сунул он Бончу задачу. Бонч-Бруевич тихо посмотрел и... ничего не сказал.

Щербачев, чтобы примирить, сказал еще несколько слов о том, что критиковать можно и должно, но делать это между собой, не вынося дальше стен профессорской... и далее в этом роде. Но, как бы то ни было, дело наше было поставлено на рельсы и пошло.

Борьба между тем не прекратилась. Противная партия не считала своего дела проигранным, а исподволь продолжала свою работу, перенеся ее из стен конференции и академии в великосветские салоны и руководящие военные круги, имеющие доступ у государя. Для характеристики приведу Вам случай с Полевым уставом.

– Вы, наверное, слышали о нем? – спросил меня Кельчевский.

– Нет, не слышал, – возразил я.

– Как же! Это очень интересная [история]. Вот послушайте. В профессорской давно уже шли речи о том, что до сего времени у нас в русской армии нет Полевого устава, ибо устав 1904 года устарел и совершенно не отвечал жизненной обстановке, а нового мы не сумели создать. Как-то раз Данилов-рыжий пришел и сказал, что вчера, мол, Сухомлинов в разговоре с ним все тужил, что нет у нас хорошего устава? А отчего бы, господа, нам самим не написать его? Я берусь его доложить, – предложил Данилов нам. Мы подхватили его мысль, и тут же разобрали его по отделам, распределив его между собою, среди 7 человек. Взялись писать Данилов, Незнамов, Юнаков, Головин, я и, как уступка противоположной партии, предложено было принять участие и Баиову, но ему не дали никакого отдела, а предложили объединяющую работу по согласованию всех отделов. Быстро, в один месяц написали мы все 7 отделов, и затем собирались у Данилова, где происходили считки, причем, там шла страшная грызня, пока, наконец, мы не приходили к полному соглашению по всем вопросам, после чего поправки перебелялись наново, и затем шли в печать.

В феврале 1912 года Данилов на докладе Сухомлинова, когда тот озабоченно вновь вспомнил, Данилов ему отвечает: «Завтра я Вам его представлю». Сухомлинов страшно обрадовался: «Что Вы говорите, голубчик...». Нечего и говорить, какое чувство удовлетворения мы испытывали, представивши устав.

Проходит неделя. Как-то раз утром, перед началом академических занятий, приехал военный министр. Слышу, все говорят шепотом, ходят на цыпочках... Мы собрались в профессорской, ждем, что-то нам скажет Сухомлинов. Вошел молча, ничего не говоря и не поздоровавшись обратился к нам с такой речью.

«Я приехал поговорить с вами насчет Полевого устава. Вам хорошо известно, что прежний устав – детище Михаила Ивановича Драгомирова. Я так обрадовался, когда генерал Данилов представил мне устав, но, господа, я не могу скрывать от Вас, что это не устав, а Бог знает, что такое.

Начнем с 1-го отдела – организация управления (вынимает устав и прочитывает): «В военное время войска сводятся в армии, армии в группы армий...». Ведь это же черт знает, что такое!» – развел руками Сухомлинов.

«И я знаю, – выступил смело Головин, – так как я – автор этого отдела».

Сухомлинов покраснел, поняв свой промах, но, извинившись, продолжал: «Разве можно писать таким простым языком? Тон должен быть императивный, повелительный, безапелляционный... Вы разговариваете с армией вместо того, чтобы приказывать. Наша армия не доросла до этого. Управление теряется на таких началах... Что скажет государь император, если я Его Величеству поднесу подобный устав... Я положительно воспреещаю распространение написанного вами устава».

– Я думал, – жаловался он потом Щербачеву, – что они поддержат это детище покойного Михаила Ивановича^а, а они в корне уничтожили все, – и огорченный старик поехал изливать свою скорбь и жаловаться Софии Абрамовне (Драгомировой²⁷)...

Устав наш был изъят из печати; его разрешено было иметь лишь на правах рукописи. Тогда же, по Высочайшему повелению составление Полевого устава было

^а Имеется в виду М.И. Драгомиров.

возложено на генерала Рузского²⁸, а в помощь к нему прикомандирован Бонч-Бруевич с задачей переделать устав Драгомирова, сохранив его основы...

Когда новый, написанный ими устав вышел, и мы стали его прочитывать, то многие главы узнали свои, причем компиляция была сделана так неосторожно и неразумно, что все корректурные ошибки нашего устава сохранились при переносе в устав Высочайше утвержденный...

Да, пришлось-таки нам перестрадать за свою же работу!.. Правда, что наш устав был схож отчасти и с немецким, и с японским, но из него были изъяты все нонсенсы, не соответствующие боевому опыту последней войны...

Конечно, тут дело было в общем не в уставе, а в той кампании, которая против нас велась, потому что Устав 1912 года в общем хорош, но потому именно и хорош, что там почти все взято с нашего академического устава.

Но продолжаю дальше о борьбе двух академических течений. Прошел целиком один выпуск. Конференций, помню, была масса. На них были постоянные стычки между сторонниками и противниками старой и новой системы. Христиани никак не мог примириться с мыслью, что он не может преподавать тактику. «Как?.. – возмущался он, – я 20 лет преподавал тактику, следовательно, знал ее, а теперь, когда явились эти мальчишки, оказалось, что я ее не знаю?..». Негодовал и Елчанинов. Когда разрешался вопрос о назначении профессоров тактики по отделам, ему сказали, что он не может быть назначен. «Почему? – удивился Елчанинов, – ведь я читаю стратегию». – «Ну, да, вот по этому самому. Стратегия и тактика». – «Что же мне делать?» – трагически задал вопрос Елчанинов. – «А Вы решайте тактические задачи на дому», – сострил, смеясь, Незнамов.

Как бы то ни было, «обскуранты» били тревогу, возмущались, шушукались и заглазно нас ругали. Новый метод больно ударил их по карману. Как не «специалисты» они не имели больше практических занятий в академии, а это составляло 3000 рублей в годок и к тому же не могли иметь, вернее, не должны были иметь частных лекций вне академии. Рыжий Данилов, когда ему говорили о необходимости бросить частные занятия, откровенно заявил: «Господа, не у всех аппетита одинаковы», – и продолжал преподавать на стороне, как ни в чем не бывало. «В жизни, господа, надо быть похожим на мячик, – наставительно говаривал он, – его ударишь, а он подскочит; его опять ударишь, а он подпрыгнет еще выше».

Между тем, обскуранты работали вовсю, чтобы свалить новую систему. Они пошли привычным путем. Борьба, как я уже сказал, перешла в гостиные.

Помню, однажды бывший наш слушатель, офицер лейб-гвардии стрелкового Императорской фамилии полка Кульнев²⁹, хорошо знакомый с придворной и салонной жизнью, дружески сказал мне: «Отчего ваша партия не сделает визита графине Клейнмихель³⁰? У нее приемы по четвергам... Поверьте, вы (то есть партия) много выиграете». Я тогда не понял Кульнева. Мне и в голову не приходило подумать, что салон графини Клейнмихель может иметь какое-либо отношение, а тем более влияние на ход и постановку академической жизни...

А между тем, к прискорбию, это было так. У графини Клейнмихель предварительно разрешались многие очень важные академические вопросы нашими противниками во главе с Христиани... Другой салон тоже в том же духе был у старой балаболки – жены Михневича³¹, бывшего нашего профессора, а в то время начальника Главного штаба, у которого бывал Баиов... В салоне Сухомлиновой³²

работал Бонч-Бруевич, там нам готовился удар, и с той стороны, с какой мы его менее всего ожидали...

В сквернейший день 7 ноября 1913 года (как сейчас помню это число) в 7 часов вечера³³, когда я сидел у себя в кабинете, раздается резкий телефонный звонок. Слышу низкий отрывистый голос Щербачева: «Прошу сейчас прибыть ко мне по делам службы». Надеваю шашку, иду. В квартире у него застаю тоже очевидно только что прибывших Головина, Незамова, Юнакова. Щербачев в мундире, с орденами бегаёт взволнованно по кабинету.

– Господа, я вам должен [сообщить] крайне неприятную вещь. Я сегодня был у военного министра по его вызову, и он мне передал следующее, что до сведения Государя императора дошло, что в академии образовалась молодая партия профессоров академии на манер «младотурков», которая стремится приобрести популярность среди офицеров армии с тем, чтобы... чтобы произвести государственный переворот...

Щербачев до такой степени нас ошеломил, что мы приняли его сообщение в шутку и от души хохотали. Но Щербачев бегаёт, хмурится, нервно подергиваясь щекой и говорит: «Господа, это не шутки, это мне сказал военный министр».

– Ах, та-а-ак? – удивились мы. – В таком случае мы просим Вас, Ваше Превосходительство, завтра же поехать к военному министру и потребовать следствия и суда.

Щербачев поехал. Мы с нетерпением ждём его возвращения. Приехал. Мы к нему в кабинет. «Ну, что же, Дмитрий Николаевич?», – спрашиваем. Щербачев сердится: «Сухоумлинов, – отрывисто бросает он нам низкой октавой, – объяснил, что сказанное им надо понимать, конечно, не в политическом смысле, а в том, что вы затеяли реформы в академии не эволюционным, а революционным путём!...». И Щербачев в сердцах в негодовании махнул рукой.

Через неделю мы узнаём, что Щербачеву предложен корпус, да ещё в Туркестане, да ещё без права отказа! Вот тебе и младотурки!.. Щербачеву с семьёй, связанному с Петроградом⁶ всей прежней и службой, и жизнью, и родственными связями, ехать в Туркестан, конечно, было тяжело. Но, к счастью, как раз открылась вакансия командира 9 корпуса в Киеве. Щербачев полетел к Михневичу, через которого шли назначения, военному министру, и добился назначения в Киев³⁴, к нам же на место Щербачева был назначен добродушный телё, которое 30 маток сосало, Янушкевич, который, как злые языки утверждали, преподнес Государю сливанку с погребов собственного имения в Черниговской губернии.

Вслед за тем быстро разогнали и всю младотурецкую [партию], о чем я дальше расскажу, а пока остановлюсь на дальнейших перипетиях борьбы. Мы, конечно, ничего хорошего от Янушкевича не ждали, потому что он был противником нашей партии, и потому с нетерпением ожидали его, так сказать, декларацию во время представления. Когда все были выстроены, Янушкевич всех обошёл, с каждым поздоровался за руку, сказав: «Очень приятно», и с чарующей улыбкой, так всегда тихо, только всего и сказав, что надеется, что все будут так же служить, как и раньше; никакой декларации не было...

³³ Ошибка автора в отчестве Д.Г. Щербачева. Правильно: Дмитрий Григорьевич.

³⁴ Ошибка автора в названии города. Правильно: Петербургом.

Однако мы почувствовали эту декларацию очень скоро. На первой же ближайшей конференции Янушкевич выступил с[о] следующей речью: «Прежде чем приступить к текущим делам, я должен сказать вам несколько слов. Всем вам, господа, известно, что многие из наших молодых товарищей-коллег приняли слишком горячее и, может быть, торопливое участие в проведении реформ в академии, тем более что с[о] многими из них нельзя согласиться. Переходя к частностям, я не могу не указать, например, на стремление наших молодых профессоров изменить даже постановку первых тем дополнительного курса, требующих внесения и в нее вместо исторического, тактического элемента... Точно так же постановка занятий по тактике требует внесения “корректива”», и так далее на эту тему.

Однако в историю академии Янушкевич не пожелал свою речь занести, почему и начал с того, что сказал ее до открытия заседания, вследствие чего она как бы не подлежала занесению в протокол. Кстати сказать, Баиов все наши знаменитые мартовские заседания 1911 года тоже не за протоколировал, о чем мы узнали только впоследствии.

Через несколько дней Янушкевич таинственно вызывает в комнату дежурного офицера (а не в профессорскую, чтобы, так сказать, другие не видели), некоторых из членов партии младотурок и передал следующее: «Я счастлив был представиться Государю императору, и Его Величество соизволил долго и милостиво беседовать со мной по делам академии, и в беседе Его Величество, между прочим, коснулся вопроса по поводу полемики в «Инвалиде»³⁵ огня и штыка. – У вас там полемика, – сказал Государь, – я читал... Так вы передайте, что мне это на-до-е-ло! Причем, Его Величество сказал это слово растяжно, по слогам. Так вот, доложив все это начальнику Генерального штаба и военному министру, я получил приказание воспретить вам печатание статей без предварительной цензуры моей и генерала Жилинского³⁶...».

Можете себе представить, как на нас подействовало это извещение! Точно обухом по голове! И мне как раз первому предстояло испытать на себе эту благодетельную цензуру, так как я только что написал ответ Свечину на его критику моей только что вышедшей книги «Тактика полевой легкой артиллерии»³⁷. Мне эту статью так почеркали, что я отказался ее поместить. Интересны были пометки: «Это неудобно», это «обостряет критику», это «ненужно» и т. п.

Тогда в виде протеста мы решили прекратить сотрудничество^a и печатание статей в академическом журнале «Известия»³⁸, хотя это нас и било по карману. На этой почве у Головина произошел интересный случай с Баиовым. Головин как раз печатал свой труд «Служба Генерального штаба»³⁹, очередная глава находилась в наборе, но он ее взял. Баиов подсылает своего помощника по изданию Масловского⁴⁰ к Головину с просьбой прислать рукопись, т. к. якобы без нее задерживается выход очередной книги⁴¹. Головин, однако, не возвратил. Баиову, как редактору, конечно, неприятно, что в официальном издании, где начал печататься труд Головина, он оборвался на середине и без объяснения причин дальше не продолжается.

И вот он идет на уловку – пишет Головину официальное письмо, что, мол, начальник академии, ознакомившись с делами редакции, по заслушании^b доклада,

^a Так в тексте.

^b Так в тексте.

приказал, мол, ему, Баеву^а написать Вам о скорейшей высылке дальнейшей главы Вашей книги «Служба Генерального штаба», дабы не задерживать выхода очередного номера.

Головин как раз в это время отбывал ценз командира дивизиона в Кирасирском Его Величества полку⁴² и из Красного Села звонит по телефону Янушкевичу и спрашивает: «Отдавали ли Ваше Превосходительство распоряжение генералу Баиову написать мне письмо?» – «Какое письмо?» – забеспокоился Янушкевич, не зная, в чем дело. «А вот, мол, какое. В таком случае прошу уделить мне время для доклада». – «Николай Николаевич, – стал уговаривать Янушкевич, – зачем Вы волнуетесь? Стоит ли придавать значение всему этому?.. Как мне неприятно, что в академии начались такие раздоры...»⁴³.

Вскоре после этого Головину не предложили, а назначили (вопреки принятому обычаю предварительного запроса) [службу] командиром одного из гусарских полков где-то на юге, но его выручил великий князь Николай Николаевич, который был, видимо, на нашей стороне. Он прислал военному министру записку, что предоставляет Головину гвардейскую вакансию в своем округе, и Головин был назначен командиром 20-го драгунского Финляндского полка, стоявшего в Петербургском округе⁴⁴. Помню, Головин, уже в форме полка с треском прочел свою последнюю лекцию по тактике, подготовленную в специальном духе научного протеста против нападков обскурантов.

Уход Головина не обошелся без инцидента. Дело в том, что по давнишнему постановлению конференции, каждому члену ее, пробывшему в составе ее не менее 4 лет, подносится подарок, причем председатель комиссии заранее осведомляется у чествуемого, какого рода подарок (в виде чего) он желал бы получить, соответственно чему и заказывают. Предложено было и Головину заявить свое желание. Головин одевает парадную форму и идет к Янушкевичу в кабинет.

– Я удостоился чести получить подарок, – громко докладывает он Янушкевичу, – но я пришел Вам доложить, что если на этом подарке будет надпись генерала Баиова, то я от подарка отказываюсь...

Ну, а вы же знаете, что кабинеты начальника академии и правителя дел были рядом и сообщались дверью, а дверь-то к Баиову была открыта, и Головин это знал, и нарочно докладывал так, что Баиов слышал.

Боявшийся всяких историй Янушкевич встревоженно шепотком пробует утихомирить Головина, оглядываясь на дверь Баиова: «Николай Николаевич, что же Вы волнуетесь, успокойтесь, все это уладится».

– Ваше Превосходительство, – умышленно громко, не слушая Янушкевича, продолжает Головин, – я не хочу, чтобы фамилия этого мерзавца портила мне подарок.

– Что же Вы хотите? – весь так и подался вперед Янушкевич, чтобы как-нибудь ослабить звук голоса Головина.

– Я хочу, чтобы Вы воздействовали на него, и он отказался бы от участия в поднесении мне подарка.

^а Так в тексте. Правильно: Баиову.

– Хорошо, хорошо, – поспешил согласиться Янушкевич, чтобы как-нибудь скорее от него отвязаться и выйти из щекотливого положения, к которому царедворец не привык.

Разумеется, подарок поднесли без подписи Байова.

После Головина «ушли» Черемисова, которого назначили командиром 120го Серпуховского полка⁴⁵. Не могу не сказать, как блестяще Черемисов защитил свою диссертацию «Особенности германской тактики»⁴⁶, и как он при этом ловко отделал одного из обскурантов – Свечина⁴⁷, своего оппонента, за его необоснованную критику.

«Одному из своих оппонентов отвечу стихами Некрасова», – сказал Черемисов:

*Что ему книга последняя скажет,
То на душе его сверху и ляжет...
Сам на душе ничего не имеет,
Что вчера сжал, то сегодня и сеет;
Нынче не знает, что завтра сожнет,
Только, наверное, сеять пойдет*⁴⁸.

Это характеристика тех книжных проституток, которые в виде балерин порхают по поверхности, не задумываясь над сутью...

За Черемисовым сделали намек Незнамову и мне – выбирать полк, иначе говоря, убираться из академии. У меня, кстати, вышло легонькое недоразумение с Янушкевичем.

Помню, я читал лекцию о снабжении артиллерии боевыми запасами. Это был большой вопрос, о котором я все время кричал и распинался.

Нужно же было такое совпадение, что как раз на эту лекцию совершенно неожиданно пришел Янушкевич, знакомившийся с лекциями профессоров. А я как на грех добыл из Военного министерства секретные сведения о количестве всех боевых припасов, имеющихся у нас на каждое орудие, и к ужасу своему, узнал, что полный комплект составляет всего 794 снаряда!

Как сейчас помню эту ужасную по своей незначительности цифру – 794, и это весь запас! Предположив слушателям внушение о секретности сообщаемых им сведений и недопустимости выноса их из стен академии, я доказал, что жизнь и кровавый опыт на полях сражений последней войны требуют минимума в 3 тысячи на каждое орудие, что к этой норме перешли и французы, и немцы, и весь мир, и только мы одни пребываем в блаженном покое и небытии, остановившись на этой губительной цифре.

Что это, измена или глупость? Закончил я крылатым «mot»^a, бывшим в употреблении на кафедре Государственной Думы⁴⁹. И распалился я по этому поводу.

Янушкевич слушал, ничего не говоря, и даже сочувственно кивая иногда в такт речи головой, как бы соглашаясь с моими доводами.

Кончилась лекция. Янушкевич, галантный, как всегда, подошел ко мне, любезно поблагодарил за доставленное удовольствие, пожал руку, а затем, взяв меня под руку, когда мы вышли из класса, вкрадчиво сказал:

^a Словом (франц.).

– Увлекаетесь, Анатолий Киприанович, увлекаетесь! Ну, можно ли так увлекаться? А затем, посудите сами, возможно ли зеленой молодежи с таким пылом читать о таких серьезных вещах?

– Не только возможно, но и должно, – возразил я.

Янушкевич, еще раз ласково обнимая меня, похлопал по спине, и так же ласково, но с оттенком сожаления, что я не понимаю, повторил: «Увлекаетесь, увлекаетесь!..».

Тем не менее, я все еще продолжал оставаться в академии, а тут как раз Янушкевича назначили начальником Генерального штаба⁵⁰, а на его место был прислан, как мы его называли, «опереточный начальник», человек, не имевший никакого отношения к академии, 9 лет прослуживший в Свите Его Величества, князь Енгальчев⁵¹, совершенно отставший от науки, которому Государь, назначая его, сказал: «Ты мне окончательно выведешь крамолу из академии».

Опереточный начальник академии, приняв ее в марте, тотчас же уехал в отпуск по делам своих больших имений где-то на юге или в Рязани, куда он периодически наезжал, так что его в академии совсем и не видали.

Однажды Енгальчев призывает меня к себе в кабинет и говорит: «Полковник, Вы скоро защищаете диссертацию... Я должен Вам по-товарищески сказать... У Вас там (и он брезгливо поморщился) какое-то расхождение с Уставом полевой службы, так вот я Вам и говорю, что от Вашего поведения на кафедре при защите диссертации будет зависеть вся дальнейшая Ваша карьера».

Я ему тут же пояснил, в чем я расхожусь с Уставом полевой службы – это по вопросу о применении артиллерии в бою и о важности применения массового артиллерийского огня. Чтобы ему яснее было это расхождение, я предложил прислать ему только что вышедшую мою статью в журнале «Армия и флот».

– Очень Вам благодарен.

Дал я ему статью. Прочел он, вызвал опять меня и сказал: «Прекрасная статья. Я не могу не согласиться с нею (значит, имел-таки живой ум человек), да, но она в корне расходится с § 345 нашего Полевого устава.

– Знаю.

– Знаете? Ну, так Вы от этого воздержитесь!

И выражение-то какое, а? Воздержитесь. Точно у меня живот болит, и меня несет!..

Это было за неделю до диссертации. Я своим коллегам заявил, что я бесповоротно решил ни на йоту не выбросить из своей речи о применении массового артиллерийского огня.

А подготовился я к диссертации отлично, прочел литературу по артиллерийским вопросам, начиная с 1869 года, т. е. со дня появления нарезной артиллерии. Защита прошла гладко, и оппоненты заявили, что не находят что-либо возразить против вопросов, выдвинутых самой жизнью.

Перерыв. Затем конференция по поводу моей диссертации. Единогласно меня удостоивают звания профессора.

Енгальчев встал и сказал: «Благодарю Вас за блестящую защиту и за то, что Вы исполнили мой совет!» (?)

«Ха-ха-ха», – рассмеялся Кельчевский! Насколько же он был в курсе всех вопросов.

Единственный раз Енгальчев проявил себя, да и то неудачно. Как-то перед полевыми поездками прилетел он из отпуска, собрал нас и сказал: «Я хочу поновому вести занятия». – «Слушаем». – «Надо задавать офицерам летучки!». – «Да, ведь это уже 12 лет практикуется!..». – «Разве?». И снова улетел в отпуск.

Но ему недолго пришлось быть начальником академии, вскорости началась война, академию, не подумав над этим серьезно, распустили⁵², а нас, профессоров, ничего лучше не могли придумать, как послать заурядными начальниками штабов, да еще во второочередные дивизии!..

На этом кончилась и моя профессорская деятельность!..

В.[А.] Замбржицкий»

ГА РФ. Ф. Р-6559. Оп. 1. Д. 9. Л. 2–24. Подлинник. Рукопись.

Примечания

¹ На титульном листе рукописи другое название: «Младотурки в Академии Генерального штаба перед Великой войной. Из воспоминаний о профессоре генерале Кельчевском» (ГА РФ. Ф. Р-6559. Оп. 1. Д. 9. Л. 1).

² *Беляев Владимир Васильевич* (1868 – не ранее 1939) – полковник (впоследствии – генерал-лейтенант), экстраординарный профессор Николаевской академии Генерального штаба, ординарный профессор Императорской Николаевской военной академии.

³ Сен-Сирская высшая военная школа (*École spéciale militaire de Saint-Cyr*) – высшее военно-учебное заведение Франции. Основана по указу Наполеона I в 1802 г. в Фонтенбло, в 1808 г. переведена в пригород Парижа Сен-Сир.

⁴ На тот момент начальником академии был генерал-лейтенант Д.Г. Щербачев.

⁵ Ошибка памяти мемуариста. Будучи экстраординарным профессором академии, Н.Н. Головин командировался на год во Францию для ознакомления с постановкой преподавания во французской военной академии осенью 1908 г. Летом 1911 г. Головин вторично ездил во Францию для участия в полевой поездке французской академии, а по возвращении стал вести курс службы Генерального штаба.

⁶ Головин Н.Н. Высшая военная школа. СПб., 1911.

⁷ Конференция академии – ее коллегиальный руководящий орган.

⁸ *Гулевич Арсений Анатольевич* (1866–1947) – генерал-майор (впоследствии – генерал-лейтенант), ординарный профессор Императорской Николаевской военной академии.

⁹ *Золотарев Аким Михайлович* (1853–1912) – генерал-лейтенант, заслуженный профессор Императорской Николаевской военной академии, почетный член академии.

¹⁰ *Щербов-Нефедович Павел Осипович* (1847–1918) – генерал от инфантерии, член Военного совета, почетный член Императорской Николаевской военной академии.

¹¹ *Сухотин Николай Николаевич* (1847–1918) – генерал от кавалерии, заслуженный профессор Императорской Николаевской военной академии, почетный член академии, бывший начальник Николаевской академии Генерального штаба (1898–1901).

¹² *Штубендорф фон Отто (Оттон) Эдуардович* (1837–1918) – генерал от инфантерии, член Военного совета, заслуженный профессор Николаевской академии Генерального штаба. Уволен от службы с мундиром и пенсией (03.01.1906).

¹³ *Глазов Владимир Гаврилович* (1848–1920) – генерал от инфантерии, член Военного совета, бывший начальник Николаевской академии Генерального штаба (1901–1904), почетный член Императорской Николаевской военной академии.

¹⁴ *Леер Генрих Антонович* (1829–1904) – генерал от инфантерии, видный отечественный военный мыслитель, начальник Николаевской академии Генерального штаба (1889–1898).

¹⁵ Кормящая мать (*лат.*). Старинное неформальное название учебных заведений.

¹⁶ *Колюбакин Борис Михайлович* (1853–1924 (по другим данным, 1923 г.)) – генерал-лейтенант, заслуженный ординарный профессор Императорской Николаевской военной академии.

¹⁷ *Пуришкевич Владимир Митрофанович* (1870–1920) – политический деятель правового направления, монархист, черносотенец, один из лидеров «Союза русского народа» и «Русского народного союза имени Михаила Архангела», депутат Государственной думы, видный оратор, известный в том числе провокационными выступлениями и поступками.

¹⁸ *Добрышин Александр Федорович* (1871 – не ранее 1930) – полковник (впоследствии – генерал-лейтенант), штаб-офицер, заведующий обучающимися в Императорской Николаевской военной академии.

¹⁹ *Елчанинов Андрей Георгиевич* (1868–1918) – полковник (впоследствии – генерал-лейтенант). Экстраординарный профессор Императорской Николаевской военной академии.

²⁰ *Данилов Николай Александрович* (1867–1934) – генерал-лейтенант (впоследствии – генерал от инфантерии), ординарный профессор Императорской Николаевской военной академии.

²¹ *Зейфарт Александр Александрович* (1835–1918) – генерал-лейтенант (впоследствии – генерал от инфантерии), заслуженный преподаватель съемки и черчения, почетный член Императорской Николаевской военной академии.

²² *Даниловский Анатолий Алексеевич* (1845–1917) – генерал-лейтенант, заслуженный преподаватель съемки и черчения Императорской Николаевской военной академии.

²³ *Марушевский Владимир Владимирович* (1874–1951) – полковник (впоследствии – генерал-лейтенант), старший адъютант штаба войск гвардии и Санкт-Петербургского военного округа.

²⁴ Интендантская академия (основана в 1911 г.) – высшее военно-учебное заведение в Санкт-Петербурге, готовившее интендантов – специалистов по снабжению армии.

²⁵ Императорская Медико-хирургическая академия (основана в 1798 г.) – высшее учебное заведение, готовившее врачей, преимущественно для военного и морского ведомств.

²⁶ Военная электротехническая школа (основана в 1857 г.) – учебное заведение в Санкт-Петербурге, готовившее офицеров и нижних чинов инженерных войск к выполнению специальных работ с применением электротехники.

²⁷ *Драгомирова (урожд. Григорович) Софья Абрамовна* (1845–1912) – вдова генерала М.И. Драгомирова, мать генералов А.М. и В.М. Драгомировых, теща генерала А.С. Лукомского.

²⁸ *Рузский Николай Владимирович* (1854–1918) – генерал от инфантерии (впоследствии также генерал-адъютант), член Военного совета, составитель Полевого устава 1912 г.

²⁹ *Кульнев Леонид Иванович* (1882–1967) – поручик гвардии (впоследствии – полковник), офицер Лейб-гвардии 4-го стрелкового императорской фамилии полка, окончил Императорскую Николаевскую военную академию (1910), но отчислен в полк и по Генеральному штабу не служил.

³⁰ *Клейнмихель (урожд. Келлер) Мария Эдуардовна* (1846–1931) – графиня, хозяйка великосветского салона в Петербурге, который посещали государственные и военные деятели Российской империи.

³¹ *Михневич Николай Петрович* (1849–1927) – генерал от инфантерии, начальник Главного штаба, бывший начальник Николаевской академии Генерального штаба (1904–1907).

³² *Сухомлинова (урожд. Гошкевич, в первом браке – Бутович) Екатерина Викторовна* (1882 – не ранее 1920) – супруга военного министра генерала В.А. Сухомлинова. Косвенное подтверждение того, что М.Д. Бонч-Бруевич бывал в кружке Сухомлиновой, содержится в его воспоминаниях с критическим описанием приемов у Сухомлиновой (Бонч-Бруевич М.Д. Вся власть Советам. Воспоминания. М., 1957. С. 66).

³³ Мемуарист ошибается. Речь идет о событиях ноября 1912 г. Смена руководства академии произошла в конце 1912 – начале 1913 г. Генерал Д.Г. Щербачев руководил академией до 14 декабря 1912 г., а генерал Н.Н. Янушкевич возглавил ее с 20 января 1913 г.

³⁴ Д.Г. Щербачев командовал IX армейским корпусом с 14 декабря 1912 г.

³⁵ Речь идет об официальном издании Военного министерства – газете «Русский инвалид».

³⁶ *Жилинский Яков Григорьевич* (1853–1918) – генерал от кавалерии, начальник Генерального штаба.

³⁷ Келчевский А.К. Тактика полевой легкой артиллерии с задачами. СПб., 1912.

³⁸ Речь идет о журнале «Известия Императорской Николаевской военной академии», издававшимся с 1910 г.

³⁹ Работа Н.Н. Головина «Служба Генерального штаба» выходила в 1912 г. в №№ 27–31 журнала «Известия Императорской Николаевской военной академии».

⁴⁰ *Масловский (Мстиславский) Сергей Дмитриевич* (1876–1943) – сын профессора академии генерала Д.Ф. Масловского, библиотекарь Николаевской академии, эсер, революционер, писатель. В 1910–1911 гг. – в заключении в Петропавловской крепости.

⁴¹ Имеется в виду очередной номер журнала Николаевской академии.

⁴² Мемуарист неточен. Полковник Н.Н. Головин был прикомандирован к Лейб-гвардии Кирасирскому Ее Величества государыни императрицы Марии Федоровны полку для ознакомления с общими требованиями управления и ведения хозяйства в кавалерийском полку позднее – с 4 мая по 1 сентября 1913 г.

⁴³ События, отраженные в описанном эпизоде, происходили в иной хронологии. Публикация работы Н.Н. Головина завершилась еще в 1912 г., когда начальником академии был генерал Д.Г. Щербачев, генерал Н.Н. Янушкевич возглавил академию в начале 1913 г., а прикомандирование Н.Н. Головина к полку также относилось к 1913 г. Кроме того, в 1912 г. работа Н.Н. Головина вышла отдельным изданием (Головин Н.Н. Служба Генерального штаба. СПб., 1912).

⁴⁴ Н.Н. Головин командовал полком с 7 января 1914 г.

⁴⁵ Полковник В.А. Черемисов принял под свое командование 120-й пехотный Серпуховский полк 7 июля 1914 г.

⁴⁶ Автор неточно указывает название работы В.А. Черемисова. Правильно: Черемисов В.А. Основы германской тактики. СПб., 1914.

⁴⁷ Выдающегося отечественного военного ученого А.А. Свечина трудно отнести к числу обскурантов.

⁴⁸ Речь идет о стихотворении Н.А. Некрасова «Саша». Исправлены неточности в передаче текста стихотворения.

⁴⁹ Ошибка памяти мемуариста. Фраза «Что это – глупость или измена?» была произнесена на заседании Государственной думы лидером кадетской партии П.Н. Милюковым только 1 ноября 1916 г.

⁵⁰ Генерал Н.Н. Янушкевич стал начальником Генерального штаба с 5 марта 1914 г.

⁵¹ *Енгальчев Павел Николаевич* (1864–1944) – генерал-лейтенант, князь, начальник Императорской Николаевской военной академии (с 22.03.1914 г.).

⁵² На самом деле с началом Первой мировой войны академия не была распущена. В ней были прекращены занятия, слушатели и преподаватели отправились на фронт, но сохранялись администрация, канцелярия, библиотека. Осенью 1916 г. занятия в академии были возобновлены.